

Иван Ильин

Наши задачи

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И46

Ильин И.А.
И46 Наши задачи: Том 2 / Иван Ильин – М.: Книга по Требованию, 2022. – 334 с.

ISBN 978-5-518-99263-4

Книга включает статьи И.А. Ильина, которые конфиденциально рассылались членам Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) и другим единомышленникам в эмиграции, подобно Ильину верившим в грядущее возрождение России. Цель этих посланий - "укрепление русского самосознания и отбор качественных сил", то есть формирование ведущего национального слоя, способного обеспечить реализацию творческих возможностей всего народа. Стержень книги составляет изложение принципов будущего государственного устройства. Главное внимание уделено вопросам духовно-нравственного воспитания и формирования правосознания граждан новой России. Воспроизводится текст парижского издания 1956 г., который для настоящего издания исправлен и дополнен в соответствии с авторскими рукописями из архива И. А.Ильина.

ISBN 978-5-518-99263-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022
© И.А. Ильин, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

1951

Предпосылки творческой демократии	5
О грядущей диктатуре	12
Ставка на количество	16
О политической порочности и слепоте	20
Что есть право голоса?	23
Необходимость ограничить публичную дееспособность	27

1952

Какие выборы нужны России?	31
Что дает и что отнимает политическая партийность?	41
Русскому народу необходимо духовное обновление	49
Отповедь расчленителям	52
На что рассчитывают Советы?	58
Нас учит жизнь	63
О возрождении России	67
Церковь и жизнь	73
Надо готовить грядущую Россию	78
Зависть как источник бедствий	82
Кое-что об основных законах будущей России	88
О Российском Государстве	88
О правах и обязанностях Российских Граждан	91
Почему сокрушился в России монархический строй?	98
О предметности и продажности	112
О русском правописании	117
О наших орфографических ранах	122

1953

Борьба за колонии	129
Борьба между Советией и Израилем	133
Кризис современного социализма	138
Как же это случилось	145
О политическом успехе	151
Светлой памяти генерала П.Н.Врангеля	163
Надежды на иностранцев	166
О воспитании в грядущей России	175

Кризис демократии обостряется.	187
Что за люди коммунисты?	199
Германия возрождается.	213
Почему сокрушился в России монархический строй (продолжение).	222
Политическое наследие революции.	231
Ненавистники России	240

1954

Положение дел в Израиле.	249
Чему нас учит современный опыт сионизма?	253
О Государе.	258
О моральном обновлении человечества.	273
Что такое конспирация?	282
Когда же возродится великая русская поэзия?	295
О чувстве ответственности	321
Долой политическое доктринерство!	330

Предпосылки творческой демократии

То политическое течение, которое, по-видимому, преобладает в современном мире, должно быть обозначено как «фанатизм формальной демократии». Фанатизм — потому, что это течение превратило Свой лозунг в «исповедание веры», в панацею (всеисцеляющее средство), в критерий добра и зла, в предмет слепой верности и присяги; так как надо было выбирать между тоталитарным режимом и формальной демократией, ибо ничего больше нет (тогда как на самом деле есть еще многое другое!). Это есть фанатизм формальной демократии, которая сводит все государственное устройство к форме всеобщего и равного голосования, отвлекаясь от качества человека и от внутреннего достоинства его намерений и целей, примиряясь со свободой злоумышления и предательства, сводя все дело к видимости «бюллетеня» и к арифметике голосов (количество).

Но в действительности такая «демократия» ни от чего не обеспечивает: ни от всеобщей продажности, ни от предательских заговоров, ни от эксплуатации плутами слабых, добрых, темных и глупых, ни от анархии, ни от тирании, ни от тоталитаризма. История (1914-1951) только что дала новые жестокие уроки, присоединившиеся к прежним (из эпохи греко-римской, из эпохи Возрождения и из революций нового времени). Но разве фанатик внемлет урокам исторического опыта? Сколько раз формальные демократии вырождались, теряли свою творческую силу и губили государства! И нам, русским патриотам, совершенно необходимо додуматься в этом вопросе до конца и договориться друг с другом.

Демократический строй далеко не всегда и не везде у места. Он имеет свои необходимые основы или «предпосылки»: если нет их налицо, то ничего, кроме длительного разложения и гибели, демократия не дает.

Каковы же эти предпосылки творческой демократии?

1. Первое: народ должен разуметь свободу, нуждаться в ней, ценить ее, уметь пользоваться ею и бороться за нее. Все это вместе должно быть обозначено, как искусство свободы. Нет его — и демократия обречена.

Дело в том, что свобода совсем не состоит в «развязании» граждан или в «разнуздании» народа, но в замене «внешней связанности», идущей «сверху», — внутренней самосвязью, самодисциплиной. Свободный народ сам знает свои права, сам держит себя в пределах чести и закона; он знает, для чего ему дается свобода; он наполняет ее верной творческой инициативой — в религии, самоуправлении, в хозяйстве, в общении, в науке и в искусстве. Он не пойдет за негодьями, соблазняющими его «вседозволенностью», но заставит их замолчать. Он не позволит тоталитаристам отнять у него свободу, но сумеет отстоять ее.

Народ, лишенный искусства свободы, будет настигнут двумя классическими опасностями: анархией и деспотией.

Если он воспримет свободу, как вседозволенность и начнет злоупотреблять ею (попирать все законы, вторгаться в чужие жилища, грабить чужое имущество, убивать своих действительных или мнимых врагов, разрушать, жечь и громить), то настанет анархия, которая сначала поведет страну и государство к гибели, а потом сменится тиранией — иногда своей, внутренней; иногда иностранной, завоевательной.

Если же он не поймет, на что ему нужна свобода, и не сумеет ею воспользоваться, то он отдаст ее любому авантюристу за обещания частного или классового прироста. Он продаст ее тому деспоту, который сумеет разжечь его страсти, организовать свой беззащитный кадр, увлечь людей несбыточными планами и «наградить» толпу «хлебом и зрелищами». Тогда демократия погибнет. История свидетельствует об этом бесчисленное множество раз.

Не ясно ли, что первая опасность (анархия) настигла Россию в 1917 году — и осуществителем ее был Владимир Ульянов, и что вторая опасность (деспотия) настигла Германию в 1933 году — и осуществителем ее был Адольф Гитлер?

2. Второй предпосылкой творческой демократии является достаточно высокий уровень правосознания.

В каждом из нас есть две силы, обычно противостоящие друг другу: сила инстинкта и сила духа. Инстинкт, взятый сам по себе и не обузданный духом, — есть волк в человеке: он хищен, коварен и жесток. Но он хитрее и изворотливее лесного волка. Человек голого инстинкта — не ведает ни веры, ни совести, ни жалости, ни чести; он посмеивается над честностью, презирает доброту, не верит ни в какие принципы. Для него все хорошо, что ему выгодно. Он ищет богатства и власти. Он именно таков, каким его с восторгом и пре-

клонением описал Фридрих Ницше в своем антихристианском произведении «Воля к власти», где Ницше взывает к «верховному зверю», «к единому» и злему человеку с «веселым брюхом», с грубым и диким нравом, к безбожному наслаждению.

Бездуховному инстинкту противостоит дух в человеке, начало сердца, разумной воли, ответственного предстояния и совести. Дух проявляется в жажде священного, в искании Бога, в способности к самообладанию и к деятельной любви. Правосознание есть одно из основных его проявлений: «я емь личность с духовным достоинством и правами, я знаю, что мне можно, должно и чего нельзя; и такую же свободную и ответственную личность я чту в каждом другом человеке».

Человек, имеющий здоровое правосознание, есть свободный субъект прав; он имеет волю к лояльности (законопослушанию), он умеет блюсти и свои, и чужие полномочия, обязанности и запреты; он есть живая опора правопорядка, самоуправления, армии и государства. Человек, лишенный правосознания, подобен зверю и ведет себя, как волк. Человек, способный только к повиновению из страха, превращается в волка, как только отпадает страх. Человек без чувства ответственности и чести — не способен ни к личному, ни к общественному самоуправлению, а потому не способен и к демократии.

Если в народе нет здорового правосознания, то демократический строй превращается в решето злоупотреблений и преступлений. Беспринципные и пронырливые люди оказываются продажными, знают это друг про друга и покрывают друг друга: люди творят предательство, наживаются на этом и называют это «демократией». Спасти их и их страну от гибели может только строгий авторитарный (отнюдь не тоталитарный!) режим.

3. Третьей предпосылкой является хозяйственная самостоятельность гражданина. Я разумею при этом не богатство, и не предпринимательство, и не земельную собственность, но личную способность и общественную возможность кормить свою семью честным, хотя бы и наемным трудом. Свободный гражданин должен чувствовать себя в жизни самостоятельным работником, не извергнутым из жизни своей страны, но органически включенным в реальный жизнеоборот. Только тот, кто чувствует себя самокормильцем, приносящим пользу своему народу, имеет основу для независимого суждения в политике для неподкупного волеизъявления и голосования. Он имеет под ногами некую творческую почвенность и в

душе тот реальный образ мыслей, который возводит к верному пониманию государственного хозяйства и к верному ощущению государственных польз и нужд. Без этого демократия быстро вырождается в непрерывную схватку беспочвенных рвачей: о государстве и его устройении, о родине и ее спасении не думает никто, потому что все заняты личной добычей.

Человек, лично неспособный к честному труду, есть профессионал темных путей, опасный проныра, мастер плутни, продажный рукогрей. Он живет вне правопорядка и правосознания и потому оказывается политическим идиотом. После проигранных войн, гражданских войн и длительных революций — в стране оказывается неисчислимое множество таких отбившихся от дела авантюристов, как бы созданных для того, чтобы разложить и погубить всякую демократию. Удачливые выходят в «нувориши» (многоденежные выскочки); неудачливые создают готовый наемный кадр для всевозможных «псевдогенералов», для крайних партий, для иностранного шпионажа и разбойных банд.

Человек, не имеющий общественной возможности кормить свою семью честным трудом, есть трагическое явление безработного. Он не повинен в своем несчастье и нередко сам с ужасом следит, как длительная безработица деморализует его и губит. С массовой безработицей справиться чрезвычайно трудно, ибо она вызывается сложными причинами: хозяйственными кризисами, перенаселением, экономической отсталостью страны, разрушительными войнами и революциями. А эти причины легче поддаются гениальной инициативе одного человека, если таковой найдется, чем парламентской разногласице.

На обоих этих путях демократия гибнет от обилия в стране черни, отвыкшей от честного труда и жаждущей подачек, развлечений и авантюры. Историк, конечно, вспомнит вырождение древнеримской демократии, разложение итальянской гражданской общины в эпоху Возрождения, войну Белой и Алой розы в Англии, русскую Смуту, тридцатилетнюю войну в Германии и первую французскую революцию; он вспомнит еще семь миллионов безработных в предгитлеровской Германии, учтет состояние некоторых держав в современной Европе — и присоединит к этому прогноз для послебольшевистской России.

Устанавливая основные предпосылки живой и творческой демократии, мы должны далее указать на следующее:

4. Есть минимальный уровень образования и осведомленности, вне которого всякое голосование становится своею собственной карикатурою. Здесь нужна не элементарная грамота, которая позволяет человеку вместо «приложения руки», вымазанной чернилами, нарисовать буквами свою фамилию. Здесь нужно понимание самого выборного процесса и предлагаемых программ, умная оценка кандидатов, понимание государственного и экономического строя страны и его нужд, верное видение политических, международных и военных опасностей; и, конечно, приобщенность к источникам правдивых сведений.

Баба Авдотья рассказывала в 1917 году о своем участии в избрании «учредительного собрания»: «Пришла я этта в волость, на крыльце люди толпятся; спрашивают — ты на выборы? на выборы... — что, откеда? — говорю: Авдотья Митрошкина, с Погорелых Выселок, — отыскали они на бумажке, чего-й-то отметили, а мне на ладонь крест поставили мелом, иди, говорят, домой, проголосила; ну, я и пошла»... Так социалисты-революционеры составляли свое «большинство» в «учредилке». Недостаточно и такого образования, чтобы принять правильно выписанный чек от партийного секретаря, поджидающего «грамотных избирателей» перед входом к урнам...

Есть уровень необразованности, малообразованности и неосведомленности, при котором голосует не народ, а обманываемая толпа; и из этого возникает не демократия, а охлократия (правление темной толпы). И нужно быть совсем наивным, чтобы воображать, будто люди, которым обманно морочили головы 30-40 лет, завтра станут «сознательными гражданами», способными разобраться в государственном вреде и политической пользе: стоит только провозгласить «свободу» и «равенство» — и все сейчас же объявят себя сторонниками республики и федерации, Керенского и Федотова, ибо «верно» поймут «блага» государства...

5. Но и этого мало: необходим политический опыт, которого в будущей России будут лишены и более образованные слои, и менее образованные массы.

Надо вдуматься и представить себе все отчетливо. Тридцать — срок лет подряд голодом, страхом и пыткой людей отучали от само-

стоятельного мышления, от политической и хозяйственной инициативы, от ответственного решения; и с утра до вечера, от рождения до смерти людям завивали души мертвыми и ложными схемами вульгарного марксизма и пошлостями «диамата». Каких граждан, каких демократов готовила этим коммунистическая власть? Не граждан, а рабов, тоталитарного государства; не политиков, а до смерти напуганных карьеристов; не деятелей, а пролаз и доносчиков — готовил советский режим; людей, совершенно лишенных государственного кругозора и честного, — да, именно, честного, — опыта и самостоятельного, — да, именно, самостоятельного, — разумения.

Человек, пролежавший в тюрьме тридцать лет, заморенный в цепях, разучившийся стоять и ходить, — какой же он участник спортивного состязания? А демократия есть именно политическое спортивное состязание... Этого человека надо под руки водить, а не наваливать на него десятипудовые мешки ответственности...

Какая наивность, какая безответственность, какая историческая слепота нужны для того, чтобы воображать, будто навыки тоталитарного приказчика и тоталитарного поденщика могут создать на что-нибудь способную «демократию»... Как низко расценивают современные «демократы родом из России» — тот режим, которому они присягают! Годы, годы должны пройти до тех пор, пока русский человек опомнится, стряхнет с себя эти унижительные навыки и, встав во весь рост, найдет опять свой уклад, свое достоинство, свою русскую самостоятельность и свою независимую талантливую сметку.

Есть такая политическая неопытность, при которой «народное самоуправление» невозможно и при которой демократия может быть только фальсифицирована, как при позорной памяти «учредилке» 1917 года. На это-то, конечно, и возлагаются надежды.

6. А между тем настоящая, творческая демократия предполагает в человеке еще целый ряд свойств и способностей, без которых она становится обманым лицедейством и разбазариванием национального достояния.

Участнику демократического строя необходимы личный характер и преданность родине, черты, обеспечивающие в нем определенность воззрения, неподкупность, ответственность и гражданское мужество. Нет этого — и он пустое место, картонный кирпич в стене, гнилое бревно, проржавевшее кольцо в цепи, заранее обеспеченный предатель. Демократический режим, в котором такие люди

преобладают, — не рушится только тогда, когда некому толкнуть его. Бесхарактерные люди неспособны ни к какому благому начинанию; они только кажутся людьми; они мнимые величины. Граждане, научившиеся интернационализму, суть граждане всех остальных государств, только не своего собственного. Голосователи, не имеющие определенных воззрений и не умеющие их отстаивать, подобны тем резиновым игрушкам-зверюшкам, которых надувают сзади и из коих потом чужой воздух выходит с писком, а сами они валятся на бок. Что же сказать о продажных? Ведь деньги-то будут только у иностранцев; а нищему — и вменить его продажность трудно. Человека, лишённого чувства ответственности, совсем нельзя подпускать ни к какому публичному делу: все погубит, словчится и скроется в толпе за ее многоголовой неуловимостью. А гражданское мужество есть сущее условие жизни — для всего демократа, во всякой демократии.

Напрасно было бы указывать нам на историю западных народов. Уже в силу одного того, что это была иная история. И еще в силу того, что ни один из западных народов не искал спасения в демократии после 30-40-летнего тоталитаризма. И особенно в силу того, что то, что одному народу может быть и здорово, то может принести другому смерть! И как же не спросить себя: почему так трудно дается демократия балканским народам, азиатским народам и южно-американским народам? Спасала ли демократия Испанию или губила? Почему Германия, начиная историю своей демократии сто лет назад, кончила тоталитарным крушением? Почему демократический режим, разыгрываемый по всем правилам парламента, никак не вывезет из оврага современную Францию, несмотря на ее политический опыт, цивилизованность и гражданственность? И в чем проявилась целебность демократии в современной Польше, Чехии, Венгрии и Румынии? Не следует ли раз навсегда оставить победоносный тон, аргументируя демократическим опытом на западе?

И пусть не найдется ни одного клеветника среди эмигрантских публицистов, который решится, вопреки всему, приписать нам скрытую симпатию к тоталитарному режиму. Мы видели левый тоталитаризм и правый тоталитаризм; мы испытали на себе оба режима вплоть до арестов, допросов, угроз, запретов, и даже более того. Мы имели возможность изучить оба режима до дна и относимся с нескрываемым нравственным и политическим отвращением к обоим.

Но о демократии мы мыслим гораздо выше и лучше, чем господа формальные демократы. И утверждаем следующее: страна, лишён-

ная необходимых предпосылок для здоровой творческой демократии, не должна вводить у себя этого режима до тех пор, пока эти основные предпосылки не будут созданы. До тех же пор введение демократического строя может быть только гибельным для этой страны.

О грядущей диктатуре

Если таковы необходимые предпосылки творческой демократии (см. «Н.З.» с. 5, 8), то ясно, что при отсутствии их демократия перестает быть творческой государственной формой, а становится разлагающей. Желать ли нам для России такого разлагающего бесформия? Конечно, нет. Вся задача наша будет состоять на первых порах в том, чтобы сократить возможно более период неизбежного хаоса, который разольется в России после падения тоталитарного коммунизма. Нелепый и жизненно зловредный зажим был слишком длителен; террор, применявшийся им, был слишком жесток и беспощаден; несправедливость была безмерна; насилие было вызывающее; ставка все время делалась на бессовестных садистов, которые покупали подлецов, заговаривали глупцов и искореняли драгоценных русских людей. Негодование «загонялось внутрь», протесты заливались кровью. Как только люди почувют, что «режиму конец», так все закипит.

В чем выразится это «кипение»? Стоит ли это описывать? Одно можно сказать: искоренение лучших русских людей — оставляло жизнь и свободу худшим; система страха, пресмыкательства, лжи, лести и насилия снижала систематически нравственный уровень и вызывала на поверхность душ древние осадки жестокости, наследие татар. Надо предвидеть страшное, чего не остановят никакие уговариватели, что окажется непосильным для всех непротивленцев, как таковых. Сократить период самочинной мести, бесчинной расправы и соответствующего нового разрушения — сможет только национальная диктатура, опирающаяся на верные войсковые части и быстро выделяющая из народа наверх кадры трезвых и честных патриотов. Попытка же немедленно ввести «демократию» затянет это хаотическое кипение на непредвиденное время и будет стоить жизни огромному количеству людей, как виновных, так и невинных.